

Предисловие «Полки»

Собрание пьес одного из главных русских драматургов: ранние «Молодые супруги» и «Студент» и, конечно, «Горе от ума» — самая хрестоматийная русская комедия, неисчерпаемый источник пословиц и паноптикум бессмертных типажей.

Варвара Бабицкая

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

В книгу входит драматургическое наследие Александра Грибоедова. Главное место здесь занимает «Горе от ума» — последняя по времени написания и самая главная классицистическая комедия в русской литературе.

Спустя несколько лет после победы в Отечественной войне и московского пожара патриотический подъем сменяется ропотом против наступившей реакции (аракчеевщины), а патриархальный московский уклад уходит в небытие — и напоследок оказывается запечатлен язвительным москвичом. Согласно сюжету «Горя от ума», в середине 1820-х годов Александр Чацкий — молодой остроумный дворянин и пылкий гражданин — после трехлетнего отсутствия возвращается в Москву, где он вырос в доме крупного чиновника Фамусова, и спешит к любимой девушке — дочери Фамусова, Софье. Но культурная дистанция оказывается непреодолимой: Софья полюбила лицемера и карьериста Молчалина, а самого Чацкого за неуместные проповеди объявляют сумасшедшим.

Кроме «Горя от ума», в этой книге публикуются две ранние комедии Грибоедова — «Молодые супруги» и «Студент» (последняя пьеса написана в соавторстве с Павлом Катениным).

КОГДА НАПИСАНЫ ПЬЕСЫ ГРИБОЕДОВА?

Грибоедов задумал свою главную пьесу в 1820 году в Персии, где служил по дипломатической линии (свидетельства о том, что замысел возник раньше, недоуверны). Первые два действия Грибоедов написал в Тифлисе, куда ему удалось перевестись осенью 1821 года и где он впоследствии сделал карьеру при генерале Ермолове. Оставив на время службу весной 1823 года и собрав на московских балах новый материал для комедии, Грибоедов пишет действия III и IV летом 1823 года в селе Дмитровском Тульской губернии, где гостит у своего старинного друга Степана Бегичева*1. В начале лета 1824 года, отправившись в Санкт-Петербург пробивать готовую комедию через цензуру, Грибоедов в дороге придумывает новую развязку и уже в Петербурге основательно перерабатывает комедию. Он просит Бегичева никому не читать оставшейся у него рукописи, потому что с тех пор Грибоедов «с лишком восемьдесят стихов, или, лучше сказать, рифм, переменил, теперь гладко, как стекло». Работа над комедией продолжалась еще долго — последней авторизованной версией считается так называемый Булгаринский список, который Грибоедов вручил своему издателю и другу Фаддею Булгарину 5 июня 1828 года, накануне своего возвращения на Восток.

*1 Степан Никитич Бегичев (1785–1859) — военный, мемуарист. Бегичев, как и Грибоедов, был адъютантом генерала Андрея Кологривова, дослужился до чина полковника и в 1825 году вышел в отставку. В 1820-е годы в его доме в Москве гостили Одоевский, Давыдов, Кюхельбекер, подолгу жил Грибоедов. Бегичев написал одну из первых статей в защиту «Горя от ума», которую не стал печатать по настоянию Грибоедова. Был членом декабристского Союза благоденствия, но вышел из организации до восстания и к суду не привлекался.

«Молодые супруги» — всего лишь второй драматургический опыт Грибоедова (первым была пародийная комедия «Дмитрий Дрянской»). «Молодых супругов» драматург пишет весной 1814 года, поставлена пьеса была в 1815-м. «Студент» был написан летом 1817-го.

КАК ОНИ НАПИСАНЫ?

«Горе от ума» написано разговорным языком и вольным ямбом. То и другое в русской комедии было абсолютным новшеством. До Грибоедова вольный ямб, то есть ямб с чередующимися стихами разной длины, использовался, как правило, в маленьких стихотворных формах, например в баснях Крылова, иногда в поэмах с «несерьезным содержанием», таких как «Ду-

шенька» Ипполита Богдановича. Такой размер позволяет наилучшим образом использовать и привлекательность стихотворных средств (метр, рифму), и интонационную свободу прозы. Строки разной длины делают стих более свободным, близким к естественной речи; язык «Горя от ума» со множеством неправильностей, архаизмов и просторечий воспроизводит московский выговор эпохи даже фонетически — например, не «Алексей Степанович», а «Алексей Степаноч». Благодаря афористичному слогу пьеса сразу после появления разошлась на пословицы.

Ранние пьесы написаны более архаично. «Молодые супруги» — короткая комедия в одном действии, соответственно, и действующих лиц здесь немного, всего трое (двое мужчин и одна женщина). Пьеса всюду выдерживает русский вариант александрийского стиха — шестистопный ямб с цезурой после третьей стопы и парной рифмовкой. «Студент» — сатирическая комедия в прозе (поэтические вставки принадлежат не Грибоедову, а Катенину и, возможно, некоторым другим авторам того же круга); главная мишень грибоедовской и катенинской сатиры — литература сентиментального направления, слог которой в комедии не раз пародируется.

Дмитрий Кардовский.

Иллюстрация к комедии «Горе от ума». 1912 год

КАК ОНИ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ?

У «Молодых супругов» не было проблем с постановкой и публикацией: пьеса была выпущена в 1815 году, то есть в год первой постановки, отдельным изданием в типографии Императорского театра. «Студент» при жизни Грибоедова не был поставлен,

хотя никаких препятствий к этому не существовало: возможно, драматург просто был невысокого мнения о своем раннем произведении. Отрывки из пьесы впервые опубликовали в 1860 году; полностью комедия была напечатана только в 1889 году во втором томе полного собрания сочинений Грибоедова.

Публикационная судьба «Горя от ума» складывалась отнюдь не гладко. Закончив первый вариант комедии, которая сразу же была запрещена цензурой, Грибоедов в июне 1824 года отправился в Петербург, надеясь там благодаря своим связям провести пьесу на сцену и в печать. Тем временем «Горе от ума» уже широко ходило по рукам в списках.

Потеряв надежду издать комедию целиком, 15 декабря 1824 года драматург опубликовал фрагменты (явления 7–10 действия I и всё действие III) в альманахе Фаддея Булгарина «Русская Талия», где текст подвергся цензурной правке и сокращениям. Последовавшее за публикацией обсуждение в печати стимулировало читательский интерес и тиражирование рукописных копий. Драматург Андрей Жандр рассказывал, что у него «была под руками целая канцелярия: она списала “Горе от ума” и обогатилась, потому что требовали множество списков»¹. Отдельным изданием комедия впервые была напечатана уже после смерти автора, в 1833 году, — полностью, но с цензурными купюрами. Ни это издание, ни последующее, 1839 года, не остановило изготовления списков — критик Ксенофонт Полевой писал позднее: «Много ли отыщите примеров, чтобы сочинение листов в двенадцать печатных было переписываемо тысячи раз, ибо где и у кого нет ру-

кописного “Горя от ума”? Бывал ли у нас пример еще более разительный, чтобы рукописное сочинение сделалось достоянием словесности, чтобы о нем судили как о сочинении известном всякому, знали его наизусть, приводили в пример, ссылались на него и только в отношении к нему не имели надобности в изобретении Гуттенберговом?»

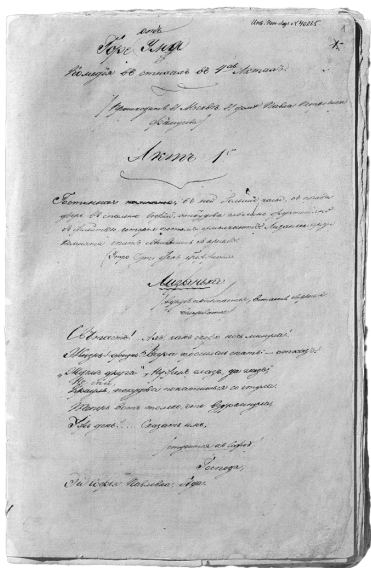
Таким образом, «Горе от ума» стало первым произведением, массово тиражированным в самиздате. Полностью и без купюр комедия была напечатана только в 1862 году.

ЧТО НА НИХ ПОВЛИЯЛО?

Источник «Молодых супругов» точно известен: это комедия французского драматурга Огюста Крёзе де Лессера «Семейная тайна» (1809). Грибоедов обошелся с французской пьесой весьма вольно: там, где у Лессера действуют один мужчина и две женщины, у Грибоедова — двое мужчин и одна женщина; в «Семейной тайне» три действия, в «Молодых супругах» — только одно. Тем не менее и у оригинала, и у адаптации общие источники влияния: традиция французской салонной комедии, царившей в это время на сцене. Та же традиция сказывается в «Горе от ума» — но, помимо этого, на главную пьесу Грибоедова повлиял его патрон Александр Шаховской, в том числе в отношении формы. Важнейший комедиограф начала XIX века, Шаховской разрабатывал приемы вольного стиха еще в «Липецких водах» и в комедии «Не любо — не слушай, а лгать не мешай», с которой «Горе от ума» местами совпадает и словесно, и сюжетно.

Современная Грибоедову критика указывала на сюжетное сходство «Горя от ума» с «Мизантропом» Мольера и с романом Кристофа Виланда «История абдеритов», в котором древнегреческий философ Демокрит возвращается после странствий в родной город; глупые и невежественные сограждане Демокрита считают его естественно-научные опыты колдовством и объявляют его безумным.

Сам Грибоедов во многом ориентировался на ренессансную драматургию — в первую очередь на Шекспира, которого (хорошо зная английский язык) читал в оригинале и ценил за свободу от жанровых канонов и ограничений: «Шекспир писал очень просто: немного думал о завязке, об интриге и брал первый сюжет, но обрабатывал его по-своему. В этой работе он был велик»².

Наиболее ранняя из рукописей «Горя от ума», 1823–1824 годы. Принадлежала другу Грибоедова Степану Бегичеву

Искусству построения сюжета Грибоедов учился у Бомарше. Наконец, в истории любви Софьи к Молчалину исследователи усматривают балладный сюжет — своеобразную пародию на балладу Жуковского «Эолова арфа», — видимо, небезосновательно, потому что Жуковский был для Грибоедова важным эстетическим противником. Собственно, следы влияния Жуковского, а также Батюшкова, Михаила Загоскина и других авторов начала XIX века очевидны и в раннем «Студенте», но там Грибоедов на пару с Катениным дают себе волю пародировать все эти влияния. В целом «Студент» написан, вероятно, с оглядкой на нравоучительные комедии Фонвизина и Сумарокова.

КАК ИХ ПРИНЯЛИ?

«Молодых супругов» Грибоедов отослал на суд Александру Шаховскому, и тот пришел от комедии в восторг. Прежде всего его восхитила краткость комедии, пришлось по вкусу и владение поэтической формой: после «Молодых супругов» уже сам Шаховской стал прибегать к alexandрийскому стиху. Заслуженный драматург позвал Грибоедова в Петербург для участия в репетициях; одновременно шла подготовка к постановке главной комедии Шаховского — «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Грибоедов очутился в центре театрального мира, и покровительство Шаховского стало важнейшим событием в его литературной карьере.

На волне шумной премьеры «Липецких вод», которые послужили поводом для жестоких пародий со стороны молодых «арзамасцев», снискали успех и «Моло-

дые супруги»: хотя комедия Шаховского их, конечно, затмила, в следующем сезоне их ставили шесть раз — как указывает биограф Грибоедова Екатерина Цимбаева, «случай неслыханный для одноактного перевода». Впоследствии Шаховской привлек Грибоедова к соавторству: перу Грибоедова принадлежат несколько явлений во втором действии комедии Шаховского «Своя семья» (еще одним соавтором был Николай Хмельницкий). Эта комедия не имела такого громкого успеха, как «Липецкие воды», за благожелательными рецензиями сквозила неприязнь к Шаховскому — но на судьбе Грибоедова это никак не отразилось. Впрочем, «Студента» Грибоедов и вовсе не пытался поставить на сцене — то ли не считая эту пьесу удачной, то ли не желая наживать врагов в лице пародируемых в ней литераторов.

Разумеется, из всех произведений Грибоедова самую обширную реакцию вызвало «Горе от ума». Едва закончив комедию в июне 1824 года в Петербурге, Грибоедов читал ее в знакомых домах — и, по собственному его свидетельству, с неизменным успехом: «Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет». После публикации отрывков из комедии в «Русской Талии» обсуждение переместилось в печать — откликнулись все важные русские журналы: «Сын отечества», «Московский телеграф», «Полярная звезда» и т. д. Здесь, наряду с похвалами живой картине московских нравов, верности типажей и новому языку комедии, раздались первые критические голоса. Споры вызвала прежде всего фигура Чацкого, которого такие разные по масштабу критики, как Александр Пушкин и позабытый теперь

Михаил Дмитриев, упрекали в недостатке ума. Последний еще ставил Грибоедову на вид неестественность развития сюжета и «жесткий, неровный и неправильный» язык. Хотя претензии Дмитриева дали жизнь многолетней дискуссии, сам он сделался предметом осмеяния — например, в эпиграмме пушкинского друга Сергея Соболевского: «Собрались школьники, и вскоре / Мих<айло> Дм<итриев> рецензию скропал, / В которой ясно доказал, / Что “Горе от ума” не Мишенькино горе». Николай Надеждин, ценивший «Горе от ума» высоко, при этом отмечал, что пьеса лишена действия и написана не для сцены, а Петр Вяземский назвал комедию «поклепом на нравы».

Язык Грибоедова удивил многих современников, но удивление это было чаще всего радостным. Бестужев-Марлинский хвалил «невиданную доселе беглость и природу разговорного русского языка в стихах», Одоевский называл Грибоедова «единственным писателем, который постиг тайну перевести на бумагу наш разговорный язык» и у которого «одного в слогe нахoдим мы колорит русский».

В общем и целом, за исключением одного Белинского, в 1839 году написавшего разгромную критику на «Горе от ума», самобытность, талантливость и новаторство комедии ни у кого больше не вызывали сомнений. Что до политической подоплеки «Горя от ума», то ее, по понятным цензурным соображениям, прямо не обсуждали до 1860-х годов, когда Чацкого всё чаще стали сблизжать с декабристами, — сперва Николай Огарев, за ним Аполлон Григорьев и, наконец, Герцен; именно эта трактовка образа Чацкого впоследствии воцарилась в советском литературоведении.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

«О стихах я не говорю, половина — должны войти в поговорку», — сказал Пушкин сразу после появления «Горя от ума» — и оказался прав. По частоте цитирования Грибоедов опередил, наверное, всех русских классиков, включая даже прежнего чемпиона Крылова. «Счастливые часов не наблюдают», «Свежо предание, а верится с трудом» — множить примеры бессмысленно; даже строка «И дым Отечества нам сладок и приятен!» воспринимается теперь как грибоедовский афоризм, хотя Чацкий в этом случае цитирует Державина.

Фамусовское общество стало нарицательным понятием, как и отдельные его представители — «все эти Фамусовы, Молчалины, Скалозубы, Загорецкие». В определенном смысле нарицательной стала и сама «грибоедовская Москва» — так озаглавил книгу Михаил Гершензон, описавший типичный московский барский уклад на примере конкретного семейства Римских-Корсаковых, причем во всех домочадцах он прямо увидел грибоедовских персонажей, а цитаты из документов подкрепил цитатами из комедии.

Из грибоедовской традиции выросла классическая русская драма XIX века: «Маскарад» Лермонтова, в чьем разочарованном герое Арбенине легко узнать черты Чацкого, «Ревизор» Гоголя — «общественная комедия», где уездный город с галереей карикатур воплощает собой все российское общество, социальная драма Александра Сухово-Кобылина и Александра Островского. С этого времени обсуждение драматических общественных конфликтов комическими средствами,

когда-то поразившее современников Грибоедова, стало общим местом, а жанровые рамки размылись. Более того, пьеса задала своеобразный новый канон. Долгое время театральные труппы набирались под «Горе от ума»: считалось, что состав актеров, между которыми хорошо распределяются грибоедовские роли, может играть весь театральный репертуар³.

В кризисные моменты общественной мысли русская интеллигенция неизменно возвращалась к образу Чацкого, который все больше сливался в культурном сознании с самим Грибоедовым: от Юрия Тынянова, в 1928 году исследовавшего в «Смерти Вазир-Мухтара» вечный вопрос о том, можно ли в России служить «делу, а не лицам» и не превратиться из Чацкого в Молчалина, — до Виктора Цоя, певшего «Горе ты мое от ума» («Красножелтые дни») в 1990 году.

Ранним пьесам Грибоедова, конечно, было далеко до несомнящего успеха «Горя от ума», но они не были окончательно забыты. ««Молодых супругов» то и дело возобновляли, и каждый раз постановщики и зрители удивлялись, насколько сценична эта пьеса, которая много проигрывает при чтении», — пишет Екатерина Цимбаева. Самой же известной постановкой «Студента» стал телеспектакль, снятый в 1969 году: главную роль провинциального студента Евлампия Беневольского сыграл в нем Олег Табаков. Интересно, что в следующем году Табаков сыграл в другом телеспектакле роль другого не в меру восторженного провинциального юноши — Александра Адуева из гончаровской «Обыкновенной истории». Гончаров высоко ценил Грибоедова, и герой «Обыкновенной истории» действи-

тельно во многом похож на студента Беневоляского, но это совпадение: в середине 1840-х, когда Гончаров писал свой дебютный роман, грибоедовский «Студент» еще никому не был известен.

КАК «ГОРЕ ОТ УМА» ПРОБИВАЛО СЕБЕ ПУТЬ НА СЦЕНУ?

Первую попытку поставить комедию предприняли в мае 1825 года студенты Петербургского театрального училища при живом участии самого Грибоедова, мечтавшего увидеть свою непроходную пьесу «хоть на домашней сцене» (на большую сцену комедию не пускали как «пасквиль на Москву»). Однако накануне представления спектакль был запрещен петербургским генерал-губернатором графом Милорадовичем, который считал, что пьесу, не одобренную цензурой, нельзя ставить и в театральном училище.

Следующую попытку предприняли в октябре 1827 года в Ереване, в здании Сардарского дворца, офицеры Кавказского корпуса, среди которых были и ссыльные декабристы. Театральный кружок был вскоре строго запрещен, поскольку повальное увлечение театром отвлекало офицеров от службы.

По некоторым сведениям, любительские постановки делались в Тифлисе при участии автора, а в 1830 году несколько молодых людей «разъезжали по Петербургу в каретах, засылали в знакомые дома карточку, на которой было написано «III акт Горя от ума», входили в дом и разыгрывали там отдельные сцены из комедии»⁴.

Грибоедов при жизни так и не увидел своей комедии на большой сцене в профессиональной постановке. Начиная с 1829 года, когда отрывок был поставлен в Большом театре, пьеса постепенно пробивала себе дорогу в театр — сперва отдельными сценами, которые игрались в интермедии-дивертисменте среди «декламаций, пения и плясок». Полностью (хотя и с цензурными купюрами) «Горе от ума» было впервые представлено в Санкт-Петербурге, в Александринском театре, в 1831 году — первым профессиональным исполнителем роли Чацкого стал актер-трагик Василий Андреевич Каратыгин, брат Петра Каратыгина, по чьей инициативе студенты Петербургского театрального училища с энтузиазмом ставили пьесу пятью годами раньше. Сам Петр Каратыгин, впоследствии известный драматург, в том же году дебютировал в литературе с двумя водевилями — второй из них назывался «Горе без ума».

БЫЛИ ЛИ У ГЕРОЕВ КОМЕДИИ РЕАЛЬНЫЕ ПРОТОТИПЫ?

Критик Катенин в письме Грибоедову заметил, что в его комедии «характеры портретны», на что драматург возразил, что хотя у героев комедии и были прототипы, однако черты их свойственны «многим другим людям, а иные всему роду человеческому... Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь». Тем не менее слухи и догадки о том, кто именно выведен в той или иной роли, стали распространяться уже зимой 1823/24 года, как только Грибоедов начал читать еще не завершённую пьесу в знакомых до-

мах. Сестра его тревожилась, что Грибоедов наживет врагов себе, а еще больше — ей самой, «потому что станут говорить, что злая Грибоедова указывала брату на оригиналы»⁵.

Так, прототипом Софьи Фамусовой многие считают Софью Алексеевну Грибоедову, двоюродную сестру драматурга, — при этом мужа ее, Сергея Римского-Корсакова, считали возможным прототипом Скалозуба, а за домом ее свекрови, Марьи Ивановны Римской-Корсаковой, в Москве на Страстной площади закрепилось название «дом Фамусова» — его парадная лестница была воспроизведена в спектакле по пьесе Грибоедова в Малом театре. Прототипом самого Фамусова называют дядю Грибоедова, основываясь на одном отрывке у драматурга: «Историку представляю объяснить, отчего в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердцах отсутствие всякого чувства. <...> Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, нынче этого нет, а может быть, и есть; но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он как лев дрался с турками при Суворове, потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образ его поучений: “я, брат!..”»

В знаменитой Татьяне Юрьевне, которой «Чиновные и должностные — / Все ей друзья и все родные», современники узнавали Прасковью Юрьевну Кологривову,

муж которой, «спрошенный на бале одним высоким лицом, кто он такой, до того растерялся, что сказал, что он муж Прасковьи Юрьевны, полагая, вероятно, что это звание важнее всех его титулов». Особо упоминания заслуживает старуха Хлестова — портрет Настасьи Дмитриевны Офросимовой, известной законодательницы московских гостиных, которая оставила заметный след в русской литературе: ее же в лице грубоватой, но, безусловно, симпатичной Марьи Дмитриевны Ахросимовой вывел в «Войне и мире» Лев Толстой.

В друге Чацкого, Платоне Михайловиче Гориче, часто видят черты Степана Бегичева, близкого друга Грибоедова по Иркутскому гусарскому полку, а также его брата Дмитрия Бегичева, некогда члена Союза благоденствия*¹, офицера, а ко времени создания комедии (которую Грибоедов писал непосредственно в имени Бегичевых) в отставке и счастливо женатого.

Такое множество прототипов у самых проходных героев «Горя от ума» действительно можно считать доказательством благонамеренности Грибоедова, который высмеивал не конкретных людей, а типические черты. Наверное, единственный абсолютно безошибочно узнаваемый персонаж Грибоедова — внесценический. В «ночном разбойнике, дуэлисте», которого, по словам Репетилова, «не надо называть, узнаешь по портрету», все действительно сразу узнали Федора Толстого

*¹ Организация декабристов, созданная в 1818 году на смену Союзу спасения. В ней состояло около 200 человек. Декларируемые цели общества — распространение знаний и помощь крестьянам. В 1821 году Союз благоденствия был распущен из-за взаимных разногласий, на его основе возникли Южное общество и Северное общество.

(Американца)*¹, который не обиделся — только предложил внести несколько исправлений. Специалист по творчеству Грибоедова Николай Пиксанов изучал в 1910 году список «Горя от ума», принадлежавший в свое время декабристу князю Федору Шаховскому, где рукой Толстого (Американца) против слов «в Камчатку сослан был, вернулся алеутом и крепко на руку нечист» была предложена правка: «в Камчатку чорт носил» («ибо сослан никогда не был») и «в картишках на руку нечист» («для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере, я думал отгадать намерение автора»).

НУ УЖ ЧАЦКИЙ-ТО — ЭТО ЧААДАЕВ?

Современники, конечно, сразу так и подумали. В декабре 1823 года Пушкин писал из Одессы Вяземскому: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны». Этим сарказмом Пушкин намекал на вынужденную отставку и отъезд за границу Чаадаева, павшего жертвой клеветы; высмеивать жертву политического преследования было не очень-то красиво. Вероятно, в окончательном варианте Грибоедов переименовал Чадского в Чацкого в том числе и затем, чтобы избежать подобных подозрений. Любопытно, что, если Чацкий в самом деле списан с Чаадаева, комедия стала самосбывающимся пророчеством: через 12 лет после создания комедии Петр Чаадаев был формально объявлен сумасшедшим по распоряжению правительства после публикации своего первого «Письма»*² в журнале «Телескоп». Журнал был закрыт, редактор его сослан, а самого Чаадаева московский полицмейстер поместил под домашний арест и принудительный врачебный надзор, снятый через год при условии больше ничего не писать.

Есть не меньше оснований утверждать, что в Чацком Грибоедов вывел своего друга, декабриста Вилгельма Кюхельбекера, который был оклеветан — а именно ославлен в обществе сумасшедшим — с целью политической дискредитации. Когда старуха Хлэстова сетует на «пансионы, школы, лицеи... ланкартачные взаимные обучения» — это прямая биография Кюхельбекера, воспитанника Царскосель-

ского пансиона, который был оклеветан — а именно ославлен в обществе сумасшедшим — с целью политической дискредитации. Когда старуха Хлэстова сетует на «пансионы, школы, лицеи... ланкартачные взаимные обучения» — это прямая биография Кюхельбекера, воспитанника Царскосель-

*¹ Граф Федор Иванович Толстой по прозвищу Американец (1782–1846) — военный, путешественник. В 1803 году отправился в кругосветное плавание с капитаном Крузенштерном, однако из-за хулиганских выходок был высажен на берег на Камчатке и должен был возвращаться в Петербург самостоятельно. Путешествию по Русской Америке — Камчатке и Алеутским островам — Толстой обязан своим прозвищем. Участвовал в Русско-шведской войне, Отечественной войне 1812 года, после войны поселился в Москве. Толстой был известен своей любовью к дуэлям и карточным играм, женился на танцовщице-цыганке, от которой у него было двенадцать детей (пережила его только одна дочь). В старости Толстой стал набожным и считал смерть детей наказанием за одиннадцать человек, убитых им на дуэлях.

*² С 1828 по 1830 год Чаадаевым было написано восемь «философических писем». В них он размышляет о прогрессивных западных ценностях, историческом пути России и смысле религии.

Петр Чаадаев.
Литография Мари-Александра Алофа.
1830-е годы

ского лица, преподавателя Главного педагогического института и секретаря Общества взаимных обучений по системе Ланкастера*¹.

В Петербургском педагогическом институте учился, однако, и другой персонаж — химик и ботаник князь Федор, племянник княгини Тугоуховской, которая недаром возмущается: «Там упражняются в расколах и в безверьи / Профессоры!!!»

В 1821 году нескольким профессорам было предъявлено обвинение, будто они в своих лекциях отвергают «истины христианства» и «призывают к покушению на законную власть», и запрещено преподавание;

дело вызвало большой шум и использовалось как довод в пользу опасности высшего образования. Так что вернее всего будет сказать, что, хотя Грибоедов использовал при создании своего героя черты реальных людей, включая и собственные, Чацкий — собирательный портрет прогрессивной части своего поколения.

УМЕН ЛИ ЧАЦКИЙ?

Это вроде бы само собой разумеется и постулируется в названии комедии, которую Грибоедов первоначально хотел назвать даже более определенно: «Горе уму». В письме Павлу Катенину драматург по этому принципу противопоставил Чацкого всем прочим действующим лицам (кроме разве что Софьи): «В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека».

Современники, однако, расходились во мнениях на этот счет. Первым в уме Чацкому отказал Пушкин, писавший Петру Вяземскому: «Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен». Эту точку зрения разделяли многие критики; Белинский, например, назвал Чацкого «фразером, идеальным шутком, на каждом шагу профанирующим все святое, о котором говорит».

Обвинение против Чацкого строилось прежде всего на несоответствии его слов и поступков. «Все, что говорит он, очень умно, — замечает Пушкин. — Но кому го-

*¹ Система взаимного обучения, согласно которой старшие ученики обучают младших. Придумана в Великобритании в 1791 году Джозефом Ланкастером. Русское Общество училищ взаимного обучения было учреждено в 1819 году. Поборниками ланкастерской системы были многие участники тайных обществ; так, декабрист Владимир Раевский попал в 1820 году под следствие за «вредную пропаганду среди солдат» именно в связи с преподавательской деятельностью.

ворит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми».

Несправедливость этого упрека показывает внимательное чтение текста. Бисера перед Репетиловым, скажем, Чацкий вовсе не мечет, — наоборот, это Репетилов рассыпается перед ним «о матерях важных», а Чацкий отвечает односложно и довольно грубо: «Да полно вздор молоть». Речь о француженке из Бордо Чацкий произносит хоть и на балу, но вовсе не московским бабушкам, а Софье, которую любит и считает ровней (и сам Грибоедов назвал «девушкой неглупой»), в ответ на ее вопрос: «Скажите, что вас так гневит?» Тем не менее нельзя не признать, что Чацкий попадает в смешные и нелепые положения, которые «умному» герою вроде как не пристали.

Однако Чацкий ведь и сам признаёт, что у него «ум с сердцем не в ладу». Окончательно очистил репутацию героя Иван Гончаров, отметивший в статье «Милльон терзаний», что Чацкий — живой человек, переживающий любовную драму, и это нельзя списывать со счетов: «Всякий шаг Чацкого, почти всякое слово в пьесе тесно связаны с игрой чувства его к Софье» — и эта внутренняя борьба «послужила мотивом, поводом к раздражениям, к тому «милльону терзаний», под влиянием которых он только и мог сыграть указанную ему Грибоедовым роль, роль гораздо большего, высшего значения, нежели неудачная любовь, словом, роль, для которой и родилась

вся комедия». По мнению критика, Чацкий не просто выделяется на фоне других героев комедии — он «положительно умен. Речь его кипит умом, остроумием. <...> ... Чацкий начинает новый век — и в этом все его значение и весь ум».

Даже Пушкин, первый обвинитель Чацкого, отдавал должное «мыслям, остроумам и сатирическим замечаниям», которыми Чацкий напитался, по словам поэта, у «очень умного человека» — Грибоедова. Поэта смутила только непоследовательность героя, который так ясно мыслит об абстракциях и так нелепо действует в практических обстоятельствах. Но он тут же отмечал, что слепота Чацкого, который не хочет верить в холодность Софьи, психологически очень достоверна. Иными словами, если не пытаться втиснуть Чацкого в узкое амплу ходячей идеи-резонера, в которое он не помещается, сомневаться в его уме нет оснований: романтический герой, попавший в комедию, неизбежно играет комическую роль — но это положение не смешное, а трагическое.

ПОЧЕМУ ПУШКИН НАЗВАЛ СОФЬЮ ФАМУСОВУ НЕПЕЧАТНЫМ СЛОВОМ?

Известное непечатное выражение Пушкина из письма Бестужеву — «Софья начертана не ясно: не то <б....>, не то московская кузина*¹» — сегодня кажется уж слишком резким, но то же недоумение разделяли многие современники. В первых домашних и театральных постановках

*¹ По Юрию Лотману, «московская кузина — устойчивая сатирическая маска, соединение провинциального щегольства и манерности».

обычно опускали шесть действий из первого акта: сцены свидания Софьи с Молчалиным (как и заигрывания и Молчалина, и Фамусова с Лизой) казались слишком шокирующими, чтобы можно было представить их дамам, и составляли для цензуры едва ли не большую проблему, чем политический подтекст комедии.

Сегодня образ Софьи кажется несколько сложнее и симпатичнее пушкинской формулы. В знаменитой статье «Милльон терзаний» Иван Гончаров заступился за репутацию девицы Фамусовой, отметил в ней «сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и женской мягкости» и сравнил ее с героиней «Евгения Онегина»: по его мнению, Софья хотя и испорчена средой, но, как и Татьяна, детски искренна, простодушна и бесстрашна в своей любви.

Это небезосновательное сравнение. Пушкин познакомился с «Горем от ума» в разгар работы над «Евгением Онегиным»; следы грибоедовской комедии можно увидеть и в комической галерее гостей на именинах Татьяны, и в ее сне, варьирующем выдуманный сон Софьи; Онегина Пушкин прямо сравнивает с Чацким, попавшим «с корабля на бал». Татьяна, своего рода улучшенная версия Софьи, любительница романов, как и та, наделяет совсем неподходящего кандидата чертами своих любимых литературных героев — Вертера или Грандисона. Как и Софья, она проявляет любовную инициативу, неприличную по понятиям своего времени, — сочиняет «письмо для милого героя», который не преминул ее за это отчитать. Но если любовное безрассудство Софьи Павловны Пушкин осудил, то к своей героине относится в сходной ситуации со-

чувственно. И когда Татьяна без любви выходит за генерала, как Софья могла бы выйти за Скалозуба, поэт позаботился уточнить, что муж Татьяны «в сраженьях изувечен» — не в пример Скалозубу, добывающему генеральский чин разными каналами, далекими от воинской доблести. Как выразился в 1909 году в статье «В защиту С. П. Фамусовой» театральный критик Сергей Яблоновский, «Пушкин плачет над милою Таней и растворяет нам сердце, чтобы мы лучше укрыли в нем эту... спящую девушку и женщину», но Грибоедов «не захотел приблизить к нам Софьи. <...> Ей не предоставлено даже последнего слова подсудимого»⁶.

Софью нередко воспринимали как девицу сомнительной нравственности, типичную представительницу порочного фамусовского общества, а Татьяну Ларину — как идеал русской женщины. Произошло это во многом потому, что Софье автор отказал в сочувствии — этого требовали интересы главного героя, Чацкого. Интересно, что в первой редакции комедии Грибоедов так дал Софье возможность оправдаться:

Какая низость! подстеречь!
 Подкрасться и потом,
 конечно, обесславить,
 Что ж? этим думали к себе
 меня привлечь?
 И страхом, ужасом вас полюбить
 заставить?
 Отчетом я себе обязана самой,
 Однако вам поступок мой
 Чем кажется так зол и так коварен?
 Не лицемерила и права я кругом.

И хотя в окончательном варианте автор отнял у героини этот монолог, выстав-

ляющий Чацкого в плохом свете, он позволил ей сохранить достоинство: «Упреков, жалоб, слез моих / Не смейте ожидать, не стоите вы их...» — так не могла бы сказать ни ***** , ни московская кузина.

ЧТО ОЗНАЧАЮТ У ГРИБОЕДОВА ФАМИЛИИ ГЕРОЕВ?

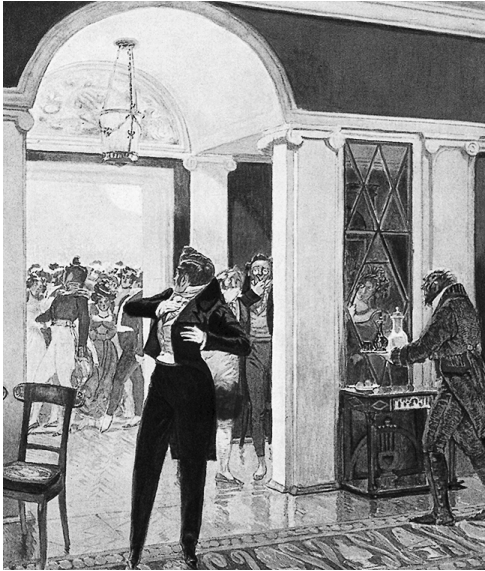
Грибоедов в традиции классицистической комедии дает почти всем своим героям говорящие фамилии. Такие фамилии обыкновенно выделяли главное свойство персонажа, олицетворенный порок, добродетель или какое-то иное одномерное качество: например, у Фонвизина глупые помещики прозываются Простаковыми, государственный чиновник, наводящий порядок, носит фамилию Правдин, а арифметику недорослю Митрофанушке преподает Цыфиркин. В «Горе от ума» все менее прямолинейно: все говорящие фамилии так или иначе воплощают одну идею — идею вербальной коммуникации, преимущественно затрудненной. Так, фамилия Фамусова образована от латинского *fama* — «молва» (недаром главная его печаль при развязке — «Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»). Фамилия Молчалина, «не смеющего свое суждение иметь», говорит сама за себя. Двойное значение можно усмотреть в фамилии Репетилова (от французского *g r ter* — «твердить наизусть», «повторять за кем-то»): этот персонаж, с одной стороны, молча слушает важные разговоры, которые ведет «сок умной молодежи», и после повторяет другим, а с другой — выступает как комический двойник Чацкого, иллюстрирующий его душевные порывы соб-

ственными физическими неуклюжими движениями. Князь Тугоуховский глух, полковник Скалозуб — «Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!» — мастер казарменных острог. В фамилии Хлестовой можно усмотреть намек на хлесткое слово, в котором и ей не откажешь — она, например, единственная во всей комедии рассмешила главного остроумца Чацкого, отметившего, что Загорецкому «не поздоровится от эдаких похвал». Замечание Хлестовой о Чацком и Репетилове (первого «полечат, вылечат авось», второй же — «неисцелим, хоть брось») предвосхищает позднейшие наблюдения литературоведов по поводу взаимосвязи двух этих персонажей.

Фамилию самого Чацкого (в ранней редакции — Чадский) разные исследователи ассоциировали со словом «чад» на основании его общей пылкости и разбора его реплик («Ну вот и день прошел, и с ним / Все призраки, весь чад и дым / Надежд, которые мне душу наполняли» или сентенции о сладком и приятном «дыме Отечества»). Но более прямая ассоциация, конечно, с Чаадаевым.

ЧАЦКИЙ — ДЕКАБРИСТ?

Мнение, что Чацкому, как написал его Грибоедов, прямая дорога лежала на Сенатскую площадь, было впервые высказано Огаревым, обосновано Герценом, утверждавшим, что «Чацкий шел прямой дорогой на каторжную работу», и впоследствии безраздельно утвердилось в советском литературоведении — особенно после того, как книга академика Милицы Нечкиной «А. С. Грибоедов и декабристы» получила

Дмитрий Кардовский.
Иллюстрация к комедии «Горе от ума».
1912 год

в 1948 году Сталинскую премию. Сегодня, однако, вопрос о декабризме Чацкого уже не решается так однозначно.

Аргументация в этом споре часто вращается вокруг другого вопроса: был ли декабристом сам Грибоедов?

Писатель дружил со многими декабристами, состоял, подобно многим из них, в масонской ложе и в начале 1826 года четыре месяца провел на гауптвахте Главного штаба под следствием — этот опыт позднее он описал в эпиграмме так:

— По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
— За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!..

По делу декабристов Грибоедов, однако, был оправдан, освобожден «с очи-

стительным аттестатом» и годовым жалованьем и направлен по месту службы в Персию, где его ждала блестящая, хотя, к несчастью, недолгая карьера. И хотя его личные симпатии по отношению к декабристам не вызывают сомнений, сам он в тайном обществе, как показали на допросах Бестужев и Рылеев, не состоял и о программе их отзывался скептически: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». Более того: один прямо названный член «секретнейшего союза» в его комедии есть — карикатурный Репетиллов, над которым Чацкий иронизирует: «Шумите вы? И только?»

На это сторонники «декабристской» концепции возражают, что Репетиллов — хотя и кривое, но зеркало Чацкого. Чацкий «славно пишет, переводит» — Репетиллов «вшестером лепит водевильчик», его ссора с тестем-министром — отражение связи и разрыва Чацкого с министрами; при первом появлении на сцене Репетиллов «падает со всех ног» — прямо как Чацкий, который «падал сколько раз», скача из Петербурга, чтобы оказаться у ног Софьи. Репетиллов — как цирковой клоун, который в перерывах между выступлениями дрессировщиков и эквилибристов в нелепом свете повторяет их героические номера. Поэтому можно считать, что и в уста его автор вложил все те речи, которых сам Чацкий, как рупор автора, не мог произнести по цензурным соображениям.

Конечно, политический подтекст у «Горя от ума» имелся — об этом свидетельствуют многолетний цензурный запрет и то обстоятельство, что сами декабристы узнали в Чацком своего и всячески способствовали распространению пьесы

(так, на квартире у поэта-декабриста Александра Одоевского в течение нескольких вечеров целый цех переписывал «Горе от ума» под общую диктовку с подлинной рукописи Грибоедова, чтобы в дальнейшем использовать в пропагандистских целях). Но считать Чацкого революционером оснований нет, несмотря на гражданский пафос, с которым он критикует произвол крепостников, подхалимство и коррупцию.

«Карбонарием»^{*1}, «опасным человеком», который «вольность хочет проповедать» и «властей не признаёт», называет Чацкого Фамусов — заткнувший уши и не слышащий, что говорит ему Чацкий, который в это время призывает отнюдь не к свержению строя, а только к интеллектуальной независимости и осмысленной деятельности на благо государства. Его духовные братья — «физик и ботаник» князь Федор, племянник княгини Тугоуховской, и двоюродный брат Скалозуба, который «службу вдруг оставил, / В деревне книги стал читать». Его, как мы сказали бы сегодня, позитивная повестка ясно высказана в пьесе:

Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется —
враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум,
алчущий познаний;
Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим,
высоким и прекрасным...

Юрий Лотман в статье «Декабрист в повседневной жизни» фактически поставил точку в этом споре, рассмотрев «декабризм» не как систему политических взглядов или род деятельности, а как мировоззрение и стиль поведения определенного поколения и круга, к которому, несомненно, принадлежал Чацкий: «Современники выделяли не только “разговорчивость” декабристов — они подчеркивали также резкость и прямоту их суждений, беспелляционность приговоров, “неприличную” с точки зрения светских норм... <...> ...постоянное стремление высказывать без обиняков свое мнение, не признавая утвержденного обычая ритуала и иерархии светского речевого поведения». Декабрист гласно и «публично называет вещи своими именами, “тремит” на балу и в обществе, поскольку именно в таком назывании видит освобождение человека и начало преобразования общества». Таким образом, разрешив вопрос о декабризме Чацкого, Лотман заодно избавил его от подозрений в глупости, вызванных некогда у критиков его «неуместным» поведением.

ЧЕМ ТАК СИЛЬНО УДИВИЛ ПЕРВЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ ЧАЦКИЙ?

В советском литературоведении Чацкий воспринимался как безусловно героическая фигура. Однако у читателя 1820-х годов главный герой «Горя от ума» вызывал куда более смешанные чувства. На его стороне симпатии автора, часто вклады-

^{*1} С итальянского — «угольщик». Член тайного итальянского общества, которое существовало с 1807 по 1832 год. Карбонарии боролись против французской и австрийской оккупации, а затем и за конституционный строй Италии. В обществе практиковались сложные обряды и ритуалы, один из них — сжигание древесного угля, символизирующее духовное очищение.

вающего собственные мысли в его уста, — и все же его никак не назовешь привычным резонером, хотя бы потому, что он попадает в нелепые положения. В нем узнавали общественный тип декабриста, однако радикальных политических речей он не произносит, ограничиваясь обличением нравов. Зато такие речи произносит Репетиллов — его комический двойник. «Уж не пародия ли он?»

До Грибоедова русская комедия 1810–1820-х годов развивалась, как принято считать⁷, по двум направлениям: памфлетно-сатирическая комедия нравов (яркие представители — Александр Шаховской и Михаил Загоскин) и салонная комедия интриги (прежде всего, Николай Хмельницкий). Комедия интриги писалась в основном с французских образцов, часто представляя собой прямо адаптированный перевод. Этой традиции отдал дань и Грибоедов в своих ранних комедиях. И любовную интригу в «Горе от ума» он выстраивает по привычной вроде бы схеме: деспотичный отец симпатичной девицы с традиционным именем Софья (означающим, заметим, «премудрость») и два искателя — герой-любовник и его антагонист. В этой классической схеме, как отмечает Андрей Зорин, соперники непременно были наделены рядом противоположных качеств. Положительный герой отличался скромностью, молчаливостью, почтительностью, благоразумием, в общем, «умеренностью и аккуратностью», отрицательный был злоязычным хвастуном и непочтительным насмешником (например, в комедии Хмельницкого «Говорун» положительный и отрицательный герои носят говорящие фамилии Модестов и Звонов соответственно). Короче говоря, в литера-

турном контексте своего времени Чацкий с первого взгляда опознавался как отрицательный герой, шутовской любовник — и его правота, как и очевидная авторская симпатия к нему, вызывала у читателей когнитивный диссонанс.

Добавим к этому, что до Грибоедова любовь в комедии не могла быть неправа: препятствием на пути влюбленных была бедность искателя, неблагосклонность к нему родителей девушки — но в конце эти препятствия счастливо разрешались, часто за счет внешнего вмешательства (*deus ex machina*), влюбленные соединялись, а осмеянный порочный соперник изгонялся. Грибоедов же, вопреки всем комедийным правилам, вовсе лишил «Горе от ума» счастливой развязки: порок не карается, добродетель не торжествует, резонера изгоняют как шута. И происходит это потому, что из классицистической триады единств времени, места и действия драматург исключил последнее: в его комедии два равноправных конфликта, любовный и общественный, что в классицистической пьесе было невозможным. Таким образом, он, по выражению Андрея Зорина, взорвал всю комедийную традицию, вывернув наизнанку и привычный сюжет, и амплу — симпатизируя вчерашнему отрицательному персонажу и высмеивая бывших положительных.

ПОЧЕМУ СОФЬЯ ЛЮБИТ МОЛЧАЛИНА?

Как мог оказаться избранником героини «низкий ползун, весь заключенный в ничтожные формы, лстец подлый и предатель коварный» (как охарактеризовал

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru